

Делать жизнь с товарища Ленина...

МНОЖЕСТВО фотографий, сотни писем, пожелательнее от времени газеты, книги, рукописи... Перед нами — на стенах документы, связанные с именем Владимира Ильича Ленина...

Вот стоящая рукопись — Елены Дмитриевны Стасовой: ее воспоминания о встречах с Ильичем.

Вот фотографии: лейчицкие пионеры у бюста Ленина.

И опят письма — страстные, взволнованные рассказы людей, которые лично знали Владимира Ильича.

Что же это? Экспозиция в музее? Выставка, посвященная приближающемуся ленинским дням?

Документы, о которых идет речь, собраны не в историческом музее, не в научной библиотеке, не в исследовательском институте. Это — достойные ребят — школьники из маленького сибирского города Тайга...

Все началось с того, что полтора года назад директор железнодорожной Тайгинской школы № 160 Владислав Иванович Купчинский — он же преподаватель истории и руководитель исторического кружка — предложил своим ученикам организовать при школе «ленинских зал-музей».

Первоначальный замысел был не так уж и сложен: собрать и выставить всем известные материалы о Ленине — книги, вырезки из газет.

Но вот однажды, на очередном заседании кружка, Владислав Иванович предложил:

«А не послать ли нам письма тем, кто собственными глазами видел Ильича? Тем, кто с ним говорил?»

На другой день после уроков кружковцы написали письма десяти старым большевикам, адреса которых удалось узнать в парткабинете горкома КПСС.

Письма отправлены. Ребята считали дни, нетерпеливо ждали ответов. И вот, когда, казалось, истекли все сроки, в школу начали приходить письма. Они оказались настолько интересными, что кружковцы загорелись настоящим желанием продолжить поиски и сбор этих ценных документов. Во многих письмах были не только эпизоды из жизни Ильича, подробности, каких не найдешь в книгах, но и новые имена, и даже адреса малоизвестных людей, участников великих Октябрьских событий, людей, которые видели Ленина, говорили с ним!

О назначении кружковцев сразу же узнала вся школа. От желающих записаться в кружок не стало отбоя.

Вскоре «ленинская переписка», как ее называли школьники, приняла внушительные размеры.

Письма начали приходить из многих городов, сел и местечек и содержали в себе не только воспоминания, но и уникальные книги о Владимире Ильиче передали ребятам сотрудники Центрального музея Ленина. Комсомольцы Московской инновационной фабрики подарили полнометражный фильм о Ленине. Казанские студенты прислали книгу В. Рождественского «В. И. Ленин в Казанском университете».

В ребятах пробудились исследовательский дух, жажда открытия, умело направляемая и поддерживаемая преподавательским коллективом.

Письма решили вскрыть, не в одиночку, а обязательно в присутствии всего кружка. В повестке дня заседания регулярно начал фигурировать пункт — «Вскрытие писем»... Проходило оно в торжественной обстановке. На столе, покрытом красной материей, — стопка писем в разных конвертах. Владислав Иванович осторожно берет в руки первое письмо.

— Галия Киселева! — медленно провозглашает он. — На твоим имя поступил ответ от комсомольцев села Шущенского. Вскрой и прочти письмо!

В тайгинскую школу приходило письма от комсомольцев Всесоюзной библиотеки имени Ленина, директора Музея революции А. Толстухина, китайских школьников из Тяньцзиня, пионеров из Лейпцига.

Самыми интересными продолжают быть письма старых большевиков...

Вот письмо Фанни Моисеевны Перель. Она слышала выступление Ленина.

«Помещение было уютно, свет тусклый, оратор беззастенчиво освещал текущий момент»... — пишет ребятам Ф. М. Перель. — И вдруг приехали Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская, и мы забыли о холоде и голоде...

Он был свидетелем того, как Ленин с места бросил историческую фразу: — Есть такая партия!..

Александр Иванович в числе коммунистов, кто в партии направил на подпольную работу в тыл Колчака.

За голову Александра Ивановича назначили огромную сумму — 10 тысяч американских долларов... Но поимать его так и не смогли...

Александр Иванович Остроумов, не

Ветеран труда завода имени Владимира Ильича (б. Михельсона) Иванов написал о том памятом выступлении Ленина, когда в него стреляла эсэровка Каплан...

«...Закончил Владимир Ильич выступление, ответил на вопросы и пошел к выходу... Вдруг раздались крики: «Стреляют! Стреляют!» Из толпы послышались возгласы: Та, которая стреляла, убежала на улицу!.. Догнала уже возле Ляпкина. В штабе установили, что она — член партии эсеров — Каплан...»

Постепенно те далекие события, которые до сих пор представлялись школьникам далекой историей, становились живой, необыкновенно интересной, документальной повестью о великом человеке, повестью, которую написали сами кружковцы, собрав всевозможные документы, воспоминания и собственные исследования.

Прошло немного времени с тех пор, как были посланы первые письма, а кружок уже располагал значительным фондом из 500 документов, 400 фотографий и множества воспоминаний.

Пуща пора оборудовать настоящую музейную экспозицию...

Для того чтобы это сделать, у ребят не было ничего, кроме собственных рук и решимости во что бы то ни стало добиться поставленной цели. Недаром девизом кружка было — «учиться жить и работать по-ленински».

Музей решили во что бы то ни стало открыть к восьмидесятидвухлетию со дня рождения Владимира Ильича — к 22 апреля прошлого года.

И срок этот был выдержан. Двадцать второго апреля ленинский зал железнодорожной Тайгинской школы № 160 был открыт...

В день окончания школы десятиклассники передали школьный ленинский зал-музей своим младшим товарищам, наказав им хранить и укреплять традиции кружка...

К этому времени у тайгинских школьников появился собор по розыскам ленинских документов.

Исторический кружок 128-й железнодорожной школы в Новосибирске тоже решил создать у себя зал-музей имени Владимира Ильича Ленина...

И вот мы сидим в маленьком директорском кабинете Владислава Ивановича Купчинского (он ныне работает в 128-й школе) и листаем новые документы и воспоминания о Владимире Ильиче.

«Если вы хотите быть похожими на Владимира Ильича, — пишет сибирским школьникам Л. Фотиева, — надо много над собой работать, чтобы воспитать в себе все лучшие черты человека будущего коммунистического общества. Этому поможет, конечно, изучение жизни и деятельности Ленина, а также других лучших наших людей... Дорогие мои юные друзья! Желаю вам, чтобы светлый, обаятельный образ Ленина, великого вождя и друга трудящихся, коммуниста в самом лучшем смысле этого слова, всегда был в вашей памяти и направлял вас в жизни, учебе и труде».

Письмо из Красноярска на имя члена кружка Любы Степанкиной: «Сообщаю тебе, что мы вам поможем. Сейчас ребята уже разыскивают адреса и материалы о Владимире Ильиче Ленине. У нас в школе есть специальные разведки интересных дел (РИД). Вот их-то мы и бросили на розыски».

С комсомольским приветом. Галина Никитина, член комитета ВЛКСМ школы № 28 города Красноярска».

Письмо пионера-тельмановца из Лейпцига: «Я попытаюсь получить для вас сведения о жизни Ленина в Лейпциге. У нас в школе должны быть фотографии и адреса людей, у которых жил Владимир Ильич Ленин. Я позбочусь о том, чтобы прислать их вам».

За мир и социализм всегда готов! Дагмар Денхард».

Мы берем в руки другие папки с перепиской, и в каждой из них — рассказы о замечательных учениках, об интересных и поучительных судьбах. Владислав Иванович Купчинский рассказывает о результатах последних поисков кружковцев.

Не так давно они разыскали в Новосибирске старого коммуниста, члена партии с 1904 года Александра Ивановича Остроумова.

Вот что важно: в истории наук есть черта, которая оправдывает такие искания и обнадеживает ищущего. Бесчисленные научные термины имеют позитивную родословную. Новые идеи, небывалые представления, прежде неизвестные свойства вещей, словом, очередные завоевания науки почти всегда в момент своего рождения вступают в конфликт с устоявшимся научным языком. Новые знания нельзя тривиально вывести из предыдущих, и потому оказывается, что для новых от-

«Физики и лирики»

Это случилось впервые, впервые в истории. В Малом зале встретились наука и искусство — эти «два облака величайшего проявления человеческого духа», как назвал их академик В. А. Зигельгард, выступая с докладом «Внутренний мир ученого». Л. Ландау, А. Алиханов, А. Алиханов и другие прославленные ученые, известные артисты Мстислав Ростропович, Галина Барникова, Марина Зозулова, студенты-«операторы» и студенты-физики пришли на этот вечер, чтобы еще больше узнать и понять друг друга. Ученые рассказали о процессе творчества в науке, артисты дали большой концерт. Многие участники вечера были единодушны: пусть будет больше таких встреч!

На снимках: вверху — на трибуне академик В. А. Зигельгард, справа — выступает Мстислав Ростропович.

Фото А. Инязева

смотря на преклонный возраст, приехал в школу, встретился с кружковцами и долго рассказывал им о Владимире Ильиче. Этот рассказ записали на магнитофонную пленку, и пленка повторит его на торжественном заседании кружка, когда будут принимать новых членов...

Нас интересует, как учатся ребята, и на стол ложится еще одна папка. На этот раз в ней сочинения, которые кружковцы писали на уроках литературы...

«Письма о Ленине, присланные нам людьми, которые видели великого вождя, учат нас жить по-ленински... Скоро мы закончим школу, но работу в кружке никогда не забудем!» — читаем мы в одном из сочинений...

Мы просим познакомиться нас с одним из самых активных членов кружка — с его старостой.

Станислав Васильев, Стасик, как его ласково называют в школе, оказался высоким, тонким юношей с умными глазами и чуть мечтательной улыбочкой. Историей Стасик действительно увлекается, но мечтает стать не историком, а химиком. Летом, в каникулы, он уже работал на заводе. Сейчас, в школе, получил специальность токаря и теперь занимается на курсах химиков-лаборантов. После окончания школы хочет поступить на завод, на котором работал летом.

— А что вам дает занятия в историческом кружке?

Стасик разводит руками. Вопрос кажется ему странным: ведь для него он давно ясен.

— Мы стали шире видеть все вокруг, — отвечает он. — Узнаем, что такое настоящая, большая жизнь... Настоящая правда...

Трудно определить лучше великий смысл того, что сделали ребята!

Образ великого вождя, все, что связано с его прекрасной жизнью, по-прежнему с могучей и доброй силой воздействуют на молодую поросль продолжателей дела Ленина.

И это, пожалуй, главное, что видится в ленинском зале-музее, созданном ребятами своими руками!..

Ветеран труда завода имени Владимира Ильича (б. Михельсона) Иванов написал о том памятом выступлении Ленина, когда в него стреляла эсэровка Каплан...

«...Закончил Владимир Ильич выступление, ответил на вопросы и пошел к выходу... Вдруг раздались крики: «Стреляют! Стреляют!» Из толпы послышались возгласы: Та, которая стреляла, убежала на улицу!.. Догнала уже возле Ляпкина. В штабе установили, что она — член партии эсеров — Каплан...»

Постепенно те далекие события, которые до сих пор представлялись школьникам далекой историей, становились живой, необыкновенно интересной, документальной повестью о великом человеке, повестью, которую написали сами кружковцы, собрав всевозможные документы, воспоминания и собственные исследования.

Прошло немного времени с тех пор, как были посланы первые письма, а кружок уже располагал значительным фондом из 500 документов, 400 фотографий и множества воспоминаний.

Пуща пора оборудовать настоящую музейную экспозицию...

Для того чтобы это сделать, у ребят не было ничего, кроме собственных рук и решимости во что бы то ни стало добиться поставленной цели. Недаром девизом кружка было — «учиться жить и работать по-ленински».

Музей решили во что бы то ни стало открыть к восьмидесятидвухлетию со дня рождения Владимира Ильича — к 22 апреля прошлого года.

И срок этот был выдержан. Двадцать второго апреля ленинский зал железнодорожной Тайгинской школы № 160 был открыт...

В день окончания школы десятиклассники передали школьный ленинский зал-музей своим младшим товарищам, наказав им хранить и укреплять традиции кружка...

К этому времени у тайгинских школьников появился собор по розыскам ленинских документов.

Исторический кружок 128-й железнодорожной школы в Новосибирске тоже решил создать у себя зал-музей имени Владимира Ильича Ленина...

Вот что важно: в истории наук есть черта, которая оправдывает такие искания и обнадеживает ищущего. Бесчисленные научные термины имеют позитивную родословную. Новые идеи, небывалые представления, прежде неизвестные свойства вещей, словом, очередные завоевания науки почти всегда в момент своего рождения вступают в конфликт с устоявшимся научным языком. Новые знания нельзя тривиально вывести из предыдущих, и потому оказывается, что для новых от-

Ранним утром мы отправились в клуб. Пусть это не покажется странным — ведь американский клуб похож на клуб в нашем понимании слова еще меньше, чем американский магазин, именуемый аптекой, на нашу аптеку.

Мы направляемся в клуб завтракать. Путь к ресторану идет через огромный зал, где идет карточная игра. Здесь можно увидеть немало людей, которые приехали на Белую Олимпиаду, но так и не успевая посмотреть олимпийские игры — они оставляют карты на расвете, а днем отсылают, чтобы вечером снова засесть за зеленые столы.

Но таких меньшинство. Истинные любители спорта спешат в автобусы, чтобы не опоздать в долину Скво Вэлли к началу соревнований.

Поспешим и мы.

Эстафета — самая увлекательная из лыжных гонок, а лыжные эстафеты вышедшей олимпиады проходила особенно остро и напряженно. Мужская эстафета словно разыгрывалась по специально острому сюжетному спортивному фильму.

На первом этапе за нашу команду шел Анатолий Шелюхин. В гонке на 30 километров он выступил очень слабо, и Шелюхина не хотели включать в эстафетную группу, но он заверил, что непременно добьется реванша. Все его заверения оказались пустыми обещаниями. Шелюхин закончил свой этап только восьмым. Его обогнали не только сильные скандинавские гонщики но даже французские и итальянские лыжники. Можно представить себе состояние товарищей Шелюхина, принимавших у него эстафету с таким опозданием. Однако Геннадий Ваганов, шедший на втором этапе, мобилизовав все силы и волю, финишировал пятым. Но особенно

отличился на следующем этапе горьковский колхозник Алексей Кузнецов — он вывел команду на третье место. Замыкавший эстафету Николай Анкин продел гонку умно и тактически расчетливо, стараясь не пропустить шедшего впереди шведского гонщика. Олимпийскому чемпиону Ерибергу не удалось обойти Анкина, и наша команда, казалось бы, безнадеежно проигравшая на старте, заняла третье призовое место.

В женской лыжной эстафете 3х5 наши спортсменки завоевали серебряные медали.

Все олимпийские соревнования по традициям, идущей от древней Греции, называются играми. Но играй в буквальном смысле слова на Белой Олимпиаде является только хоккей.

В финальном турнире хоккейных хоккейных команд наиболее удовольствие зрителям доставила команда США. Ее встречала канадская команда одновременно олимпийским чемпионом и чемпионом мира.

В заключительный день олимпиады наша хоккейная команда провела свою последнюю встречу с канадцами. Победу одержали канадцы со счетом 8:5. Таким образом, советские хоккеисты получили бронзовую медаль.

И на лыжных трассах, и на крутых склонах гор, и на ледяной дорожке, и на арене, где происходили хоккейные игры, советские спортсмены упорно боролись за победу. Им далеко не всегда удавалось стать победителями — восьмью олимпийскими зимними играми собрали очень сильных спортсменов.

Но наши спортсмены далеко опередили всех в общекомандном зачете. Не раз они поднимались на почетный пьедестал

победителей. Не раз звучали в кабулской долине торжественные звуки Гимна Советского Союза.

Если говорить о самом популярном конькобежце игр, можно, без риска впасть в ошибку, назвать советского скорохода Евгения Гришина. Он — настоящий герой Скво Вэлли. После победы на дистанции 500 метров Евгений Гришин добился блестящего результата на дистанции 1500 метров, разделив с норвежцем Рояльдом Оссом 1-е и 2-е места. А 28 февраля на ледяной дорожке по просьбе участников олимпиады проводилась забег конькобежцев на побитие мировых и национальных рекордов. И на этот раз Гришин добился феноменального успеха на своей коронной дистанции 500 метров, установив новый мировой рекорд — 39,6 секунды.

Американские журналисты вряд ли могут сказать, сколько выиграли владелицы игорных клубов, — это профессиональная тайна устроителей ночных игр. Но можно сказать, что очень много выиграли организаторы олимпийских игр: Белая Олимпиада была отличной школой мастеров.

Итак, соревнования закончились — потух олимпийский факел, горевший одиннадцать дней неутомимым пламенем.

Развежались, вернее, разлетались в разные уголки земного шара спортсмены. Не только победители, но и побежденные уезжают с хорошим настроением, ибо олимпийские игры проходили в честной, товарищеской борьбе, в атмосфере дружбы и взаимного уважения. Соревники на снежных и ледяных трассах расстаются друзьями.

До новых встреч!

СКВО ВЭЛЛИ, 29 февраля. (По телефону)

В. П. ПАВЛОВ, Ю. РЫТОВ, специальные корреспонденты «Литературной газеты»

НОВОСИБИРСК — ТАЙГА

1. Есть термин — научно-художественная литература. Его смысл, казалось бы, очевиден. Однако что же при этом очевидно? Блаженный Августин говорил о времени: «Что же такое есть время? Если никто не спрашивает меня об этом, я знаю, а если же желаю объяснить это тому, кто спрашивает, то я не знаю». Наш случай скромнее, но трудности от этого не исчезают.

Самое сочетание слов — «научно-художественная» —agonяет в тупик привычную логику. Оно выглядит незаконно рожденным. Нужен ли и возможен ли такой странный гибрид?

Можно пуститься в длинные рассуждения: атомный век — покорение космоса — исторические успехи наших ученых — растущая жажда знаний — необходимость языка науки — общедоступность языка искусства... И в результате будет неопровержимо доказано: гибрид нужен!

Можно пуститься в другое столь же длинное рассуждение: эмоциональность искусства — рационализм науки — изобразительность в первом случае — логические построения во втором... И в результате столь же неопровержимо будет доказано: гибрид невозможен!

Невозможен? Но ведь научно-художественная литература существует. И даже радует читателей. Как же воплотить из тупика? По-видимому, надо признать, что эта литература вовсе не противостественный гибрид, а нечто самообычное в искусстве. И, может быть, главная черта этой самобытности заключается в том, что подлинный герой такого рода литературы, как подпорку Кийже, — «фигуры не имеет», ибо этот герой — научные искания. Тут осуществляется, кажется, не предвиденный и не учтенный теорией литературы случай, когда тема произведения становится и самим главным персонажем в повествовании.

Все бесспорное в научно-художественной литературе, начиная со старых книг Поля де Кюри, М. Ильина и кончая такими последними книгами, как «Заполняющий мед» М. Пришвина или «Жизнь побеждает» А. Шварова, «Профиль невидимки» Ю. Вебера или «Репортаж из будущего» А. Аграновского, посвящено изображению именно этого героя... Научные искания — удивительная область: в ней безбрежность объективного знания сливается со страстностью ищущего человека. Оттого эта область и подвластна художественному освоению!

Но прочно держится убеждение, что вся художественность этого рода литературы зависит только от полноты и достоинств изображения ищущего ученого, а показ существа его исканий — самой науки — лишь сопутствующее и неустраивающее — эло. Сопутствующее и неустраивающее — как все птицы, мечущий ей латы. При этом все, конечно, понимают, что белесая птичка была бы и бескрылой, так что не о чем было бы и разговаривать... Научно-художественной литературы без науки — просто нет!

Однако вот тут-то и начинаются все беды. Без изобразительности нет искусства, а можно ли изображать неизобразяемое — знание? Этот вопрос кажется роковым. Но, к счастью, хотя

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ НАУЧНО-ХОУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Эйнштейн: это драма, драма идей...

искусство и старше науки, мерила художественности остаются во многом делом интуиции. Говоря языком кибернетики, они не поддаются полному программированию. Для той литературы, о которой идет здесь речь, это особенно счастье: она была бы погублена в зародыше программированием ее художественности по правилам традиционных критических оценок. И не думайте, что слово «погублена» — слишком сильно...

Здесь можно бы рассказать, что приемная комиссия Союза писателей вот уже несколько лет отказывается признавать писателем И. Халифмана — автора прекрасных книг о пчелах и муравьях. Члены высокой комиссии читали его книги с истинным наслаждением — это настоящая научно-художественная литература. Но, очевидно, они полагают, что в достояние «Пчел» виноваты пчелы, а в живой увлекательности «Муравья» скрещенных антенн — муравьи. Тогда единственным писателем на свете надо признать самое жизнь, а не тех, кто ее исследует и рассказывает о ней... Вся штука в том, что если бы И. Халифман написал даже не слишком выдающуюся повесть о пчелках, честь называться художником слова была бы присвоена ему без особых затруднений.

2. В воспоминаниях Леопольда Инфельда об Эйнштейне есть страницы, посвященные той поре, когда они вместе работали над знаменитой популярной «Эволюцией физики». Там есть поразительные строки.

«Эйнштейн был возбужден мыслью о нашей книге.

— Это драма, драма идей, — сказал он».

Такие вещи не говорят на ученых конгрессах и не произносятся у грифельной доски. Тут слышится голос не только великого исследователя, но и поэта науки... А рядом — другое признание: «Мне все равно, как вы это напишете. Вам виднее. Но эта идея обязательно должна быть в книге». К счастью, соавтор Эйнштейна писал хорошо, что не часто отличает ученых. Однако, если бы Инфельд писал и хуже. Эйнштейн этого, наверное, не заметил бы: хуже, лучше, — велика ли разница, если суть проблемы выражена, ведь драма идей заключена в самой их логике, стало быть, логик и достаточно...

Тут пролетает рубяж между литературой научно-популярной и научно-художественной. Писатель знает, что Эйнштейн не совсем прав. Он знает, что любая драма должна быть раскрыта, иначе есть угроза, что она останется понятной лишь ее участникам — тем, кто ее пережил, и не делается переживанием всех. Ученые думают об умелом читателе, а художники — о всей его психологии.

Ученые, даже в популярных своих книгах, разговорники о науке на ее собственном языке. А писатель, рассказывая о научных исканиях, никогда не обращается к аудитории с кафедры, и не терзает в руке мелок. Он сознает, что у него нет внутренних прав на учительство. Да он и понимает, что от него не ждут превращения в лектора. У писателя свои преимущества — он может вести рассказ о науке не на собственном языке!

Так начинает пробираться наружу изпод толщ академизма родничок искусства. Он естественнейшим путем прокладывает себе русло: ну, в самом деле, если язык науки, доступный лишь избранным, не пригоден для писательского рассказа о ее проблемах, поневоле возникает нужда в ином языке. Писателю ничего не остается, как искать его и находить. Искать — в меру своей упрямства, и находить — в меру своей талантливости.

И вот что важно: в истории наук есть черта, которая оправдывает такие искания и обнадеживает ищущего. Бесчисленные научные термины имеют позитивную родословную. Новые идеи, небывалые представления, прежде неизвестные свойства вещей, словом, очередные завоевания науки почти всегда в момент своего рождения вступают в конфликт с устоявшимся научным языком. Новые знания нельзя тривиально вывести из предыдущих, и потому оказывается, что для новых от-

крытии не хватает прежних слов. И вот, когда эта новизна еще «корчится без языка», ученые вдруг превращаются в поэтов. И в каких поэтов! — отчаянно смелых, которых могли бы приравнять к своей воле даже безудержные новаторы нашего века... «Пшшу свеетом!» — добродушный классик не риснул бы на такой образ, а оптим в прошлом ставший рискован: ученое слово «фотография» именно это и означает. А термины атомной физики — «электронное облако», «мезонная шуба» и, наконец, «дипольный прызрак»... Право же, может поучиться, что поэты, реалисты и романтики, подкашивая ученые эти неученные или поученные слова!

И вот — писатель. Он рассказывает всем о сути научных исканий, и уже по самому смыслу своей задачи он не может не чувствовать себя человеком, как бы первые открывающим неведомый людям мир.

Обращаясь ко всем, а не к избранному, он не вправе рассчитывать ни на чью осведомленность. Максимум уступки, которую он может сделать себе, — это возложить надежду на уровень развития читателя, но не на его знание предмета разговора. Поэтому в любом случае — пишется ли книга для детей или для взрослых — писатель попадает в положение ученого, которому посчастливилось обнаружить в природе новые явления и черты: он должен сам — впервые! — назвать открытие.

Ученый в этих случаях превращается в поэта, а кем становится писатель? Ответ очевиден: самим собой!

3. Можно ведь и на все искусство взглянуть с этой именно точкой зрения: все оно — умение говорить о вещах точно и выразительно, но не на их собственном языке. Все оно — умение открывать мир как бы впервые. История искусства — история таких нескончаемых открытий.

Собственный язык явлений литературы определяет их, несобственный — изобретает! Так музыка может рассказывать о тишине, а нежная живопись — о грохоте боя. Так излюбленные басней животные на самом деле рассказывают о человеке, а юмористические сцены — о невеселых вещах. Так словами ненависти и войне поэзия признается в любви к жизни, а сказочные сюжеты говорят о реальности...

«Собственный язык» вещей — это язык натурализма. Он не освещает жизни новым светом и не открывает ей больше того, что уже есть в нашем поверхностном опыте. Снова — в духе кибернетики — можно бы сказать, что натуралистические описания не способны нести в себе никакой другой информации об идеях и явлениях, кроме той, что задаром выдается нам самой жизнью. Поэтому натурализм только притворяется искусством.

Но «несобственный язык» вещей не вправе быть каким угодно: он может превратиться в шифр с потерянными ключом. Когда порою в живописи, музыке, поэзии человек и природа начинают разговаривать с современником на языке до такой степени «несобственным», что в нем уже нельзя отыскать никакой информации о человеке и природе, искусство тоже перестает быть самим собой. Пожалуй, в этом часто и состоит первоначальный грех абстракционизма.

Научно-художественная литература может стать, как и все искусство, жертвой обеих крайностей. Тогда она делается либо ненаучной, либо нехудожественной. Подобно натурализму в ней — это рассказ о науке на языке самой науки (тогда может сохраниться научность, но исчезает художественность, как это и происходит в скверных популяризациях). Подобно абстракционизму — это рассказы о науке на языке, лишенном всякой внутренней связи с ней (тогда может ощущаться пустая беллетристичность, но не остается и следа от научности, как это и бывает в дурных очерках).

В обоих случаях научно-художественной литературы нет!

Поиски «несобственного языка» науки для писательского рассказа о научных исканиях, разумеется, — дело глубоко индивидуальное. Общих норм и правил тут не найти. Но мерила художе-

Полностью текст дискуссионной статьи Д. Данина будет опубликован в журнале «Новый мир»

Полностью текст дискуссионной статьи Д. Данина будет опубликован в журнале «Новый мир»

криты не хватает прежних слов. И вот, когда эта новизна еще «корчится без языка», ученые вдруг превращаются в поэтов. И в каких поэтов! — отчаянно смелых, которых могли бы приравнять к своей воле даже безудержные новаторы нашего века... «Пшшу свеетом!» — добродушный классик не риснул бы на такой образ, а оптим в прошлом ставший рискован: ученое слово «фотография» именно это и означает. А термины атомной физики — «электронное облако», «мезонная шуба» и, наконец, «дипольный прызрак»... Право же, может поучиться, что поэты, реалисты и романтики, подкашивая ученые эти неученные или поученные слова!

И вот — писатель. Он рассказывает всем о сути научных исканий, и уже по самому смыслу своей задачи он не может не чувствовать себя человеком, как бы первые открывающим неведомый людям мир.

Обращаясь ко всем, а не к избранному, он не вправе рассчитывать ни на чью осведомленность. Максимум уступки, которую он может сделать себе, — это возложить надежду на уровень развития читателя, но не на его знание предмета разговора. Поэтому в любом случае — пишется ли книга для детей или для взрослых — писатель попадает в положение ученого, которому посчастливилось обнаружить в природе новые явления и черты: он должен сам — впервые! — назвать открытие.

Ученый в этих случаях превращается в поэта, а кем становится писатель? Ответ очевиден: самим собой!

3. Можно ведь и на все искусство взглянуть с этой именно точкой зрения: все оно — умение говорить о вещах точно и выразительно, но не на их собственном языке. Все оно — умение открывать мир как бы впервые. История искусства — история таких нескончаемых открытий.

Собственный язык явлений литературы определяет их, несобственный — изобретает! Так музыка может рассказывать о тишине, а нежная живопись — о грохоте боя. Так излюбленные басней животные на самом деле рассказывают о человеке, а юмористические сцены — о невеселых вещах. Так словами ненависти и войне поэзия признается в любви к жизни, а сказочные сюжеты говорят о реальности...

«Собственный язык» вещей — это язык натурализма. Он не освещает жизни новым светом и не открывает ей больше того, что уже есть в нашем поверхностном опыте. Снова — в духе кибернетики — можно бы сказать, что натуралистические описания не способны нести в себе никакой другой информации об идеях и явлениях, кроме той, что задаром выдается нам самой жизнью. Поэтому натурализм только притворяется искусством.

Но «несобственный язык» вещей не вправе быть каким угодно: он может превратиться в шифр с потерянными ключом. Когда порою в живописи, музыке, поэзии человек и природа начинают разговаривать с современником на языке до такой степени «несобственным», что в нем уже нельзя отыскать никакой информации о человеке и природе, искусство тоже перестает быть самим собой. Пожалуй, в этом часто и состоит первоначальный грех абстракционизма.

Научно-художественная литература может стать, как и все искусство, жертвой обеих крайностей. Тогда она делается либо ненаучной, либо нехудожественной. Подобно натурализму в ней — это рассказ о науке на языке самой науки (тогда может сохраниться научность, но исчезает художественность, как это и происходит в скверных популяризациях). Подобно абстракционизму — это рассказы о науке на языке, лишенном всякой внутренней связи с ней (тогда может ощущаться пустая беллетристичность, но не остается и следа от научности, как это и бывает в дурных очерках).

В обоих случаях научно-художественной литературы нет!

Поиски «несобственного языка» науки для писательского рассказа о научных исканиях, разумеется, — дело глубоко индивидуальное. Общих норм и правил тут не найти. Но мерила художе-

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!

ИЗ ОЛИМПИАДСКОГО БЛОКНОТА

Ранним утром мы отправились в клуб. Пусть это не покажется странным — ведь американский клуб похож на клуб в нашем понимании слова еще меньше, чем американский магазин, именуемый аптекой, на нашу аптеку.

Мы направляемся в клуб завтракать. Путь к ресторану идет через огромный зал, где идет карточная игра. Здесь можно увидеть немало людей, которые приехали на Белую Олимпиаду, но так и не успевая посмотреть олимпийские игры — они оставляют карты на расвете, а днем отсылают, чтобы вечером снова засесть за зеленые столы.

Но таких меньшинство. Истинные любители спорта спешат в автобусы, чтобы не опоздать в долину Скво Вэлли к началу соревнований.

Поспешим и мы.

Эстафета — самая увлекательная из лыжных гонок, а лыжные эстафеты вышедшей олимпиады проходила особенно остро и напряженно. Мужская эстафета словно разыгрывалась по специально острому сюжетному спортивному фильму.

На первом этапе за нашу команду шел Анатолий Шелюхин. В гонке на 30 километров он выступил очень слабо, и Шелюхина не хотели включать в эстафетную группу, но он заверил, что непременно добьется реванша. Все его заверения оказались пустыми обещаниями. Шелюхин закончил свой этап только восьмым. Его обогнали не только сильные скандинавские гонщики но даже французские и итальянские лыжники. Можно представить себе состояние товарищей Шелюхина, принимавших у него эстафету с таким опозданием. Однако Геннадий Ваганов, шедший на втором этапе, мобилизовав все силы и волю, финишировал пятым. Но особенно

отличился на следующем этапе горьковский колхозник Алексей Кузнецов — он вывел команду на третье место. Замыкавший эстафету Николай Анкин продел гонку умно и тактически расчетливо, стараясь не пропустить шедшего впереди шведского гонщика. Олимпийскому чемпиону Ерибергу не удалось обойти Анкина, и наша команда, казалось бы, безнадеежно проигравшая на старте, заняла третье призовое место.

В женской лыжной эстафете 3х5 наши спортсменки завоевали серебряные медали.

Все олимпийские соревнования по традициям, идущей от древней Греции, называются играми. Но играй в буквальном смысле слова на Белой Олимпиаде является только хоккей.

В финальном турнире хоккейных хоккейных команд наиболее удовольствие зрителям доставила команда США. Ее встречала канадская команда одновременно олимпийским чемпионом и чемпионом мира.

В заключительный день олимпиады наша хоккейная команда провела свою последнюю встречу с канадцами. Победу одержали канадцы со счетом 8:5. Таким образом, советские хоккеисты получили бронзовую медаль.

И на лыжных трассах, и на крутых склонах гор, и на ледяной дорожке, и на арене, где происходили хоккейные игры, советские спортсмены упорно боролись за победу. Им далеко не всегда удавалось стать победителями — восьмью олимпийскими зимними играми собрали очень сильных спортсменов.

Но наши спортсмены далеко опередили всех в общекомандном зачете. Не раз они поднимались на почетный пьедестал

победителей. Не раз звучали в кабулской долине торжественные звуки Гимна Советского Союза.

Если говорить о самом популярном конькобежце игр, можно, без риска впасть в ошибку, назвать советского скорохода Евгения Гришина. Он — настоящий герой Скво Вэлли. После победы на дистанции 500 метров Евгений Гришин добился блестящего результата на дистанции 1500 метров, разделив с норвежцем Рояльдом Оссом 1-е и 2-е места. А 28 февраля на ледяной дорожке по просьбе участников олимпиады проводилась забег конькобежцев на побитие мировых и национальных рекордов. И на этот раз Гришин добился феноменального успеха на своей коронной дистанции 500 метров, установив новый мировой рекорд — 39,6 секунды.

Американские журналисты вряд ли могут сказать, сколько выиграли владелицы игорных клубов, — это профессиональная тайна устроителей ночных игр. Но можно сказать, что очень много выиграли организаторы олимпийских игр: Белая Олимпиада была отличной школой мастеров.

Итак, соревнования закончились — потух олимпийский факел, горевший одиннадцать дней неутомимым пламенем.

Развежались, вернее, разлетались в разные уголки земного шара спортсмены. Не только победители, но и побежденные уезжают с хорошим настроением, ибо олимпийские игры проходили в честной, товарищеской борьбе, в атмосфере дружбы и взаимного уважения. Соревники на снежных и ледяных трассах расстаются друзьями.

До новых встреч!

СКВО ВЭЛЛИ, 29 февраля. (По телефону)

Вот что важно: в истории наук есть черта, которая оправдывает такие искания и обнадеживает ищущего. Бесчисленные научные термины имеют позитивную родословную. Новые идеи, небывалые представления, прежде неизвестные свойства вещей, словом, очередные завоевания науки почти всегда в момент своего рождения вступают в конфликт с устоявшимся научным языком. Новые знания нельзя тривиально вывести из предыдущих, и потому оказывается, что для новых от-

крытии не хватает прежних слов. И вот, когда эта новизна еще «корчится без языка», ученые вдруг превращаются в поэтов. И в каких поэтов! — отчаянно смелых, которых могли бы приравнять к своей воле даже безудержные новаторы нашего века... «Пшшу свеетом!» — добродушный классик не риснул бы на такой образ, а оптим в прошлом ставший рискован: ученое слово «фотография» именно это и означает. А термины атомной физики — «электронное облако», «мезонная шуба» и, наконец, «дипольный прызрак»... Право же, может поучиться, что поэты, реалисты и романтики, подкашивая ученые эти неученные или поученные слова!

И вот — писатель. Он рассказывает всем о сути научных исканий, и уже по самому смыслу своей задачи он не может не чувствовать себя человеком, как бы первые открывающим неведомый людям мир.

Обращаясь ко всем, а не к избранному, он не вправе рассчитывать ни на чью осведомленность. Максимум уступки, которую он может сделать себе, — это возложить надежду на уровень развития читателя, но не на его знание предмета разговора. Поэтому в любом случае — пишется ли книга для детей или для взрослых — писатель попадает в положение ученого, которому посчастливилось обнаружить в природе новые явления и черты: он должен сам — впервые! — назвать открытие.

Ученый в этих случаях превращается в поэта, а кем становится писатель? Ответ очевиден: самим собой!

Полностью текст дискуссионной статьи Д. Данина будет опубликован в журнале «Новый мир»

Полностью текст дискуссионной статьи Д. Данина будет опубликован в журнале «Новый мир»

Полностью текст дискуссионной статьи Д. Данина будет опубли

(Окончание. Начало на 4-й стр.)

Эта драматургия зрелища, ей свойственна ораторская интонация, она не укрывается за четвертой стеной. Она облекается в необычные формы, свободно и непредвзято вбирает в себя опыт чужого искусства, театральные обычаи соседа, который стал ведом нам только так же, как ему стал ведом наш...

Я не хочу в пределах этой статьи полемизировать с Михаилом Ромком, упорно, из выступлений в выступление провозглашающим близкую смерть театра, но думаю, что его пророчество могло бы сбыться лишь в том случае, если бы театр наш застыл в своей заскорузлости, если бы он не преломлял творческих достижений других искусств. Здесь вступают в силу уже известные связи — между художниками смежных профессий, которые, как и все в мире, не отгорожены китайской стеной друг от друга.

Я с большим интересом смотрел в Берлинском ансамбле брехтовскую «Матушку Кураж», всю построенную на энергичном движении, на реализации мотива дороги в самом лучшем, театральном его воплощении. А ведь раньше это считали доступным только кино! Томе — и Миллер. Почувствовав потребность вернуться в те годы, когда его герой Вилли Ломен был молод и полон надежд на будущее, драматург не дал себе труда ни изменить обстановку действия, ни отступить своим героям востом, чтобы они сменяли грим и костюм. Но спутаем ли мы, глядя на Вилли Ломена — Толубеева, где он прежний, упрямо заблуждающийся, уверенный в том, что сумеет вскарабкаться по лестнице процветания и успеха, и где он — разбитый, поверженный в прах, проходящий сквозь алг ослепления зря истраченной жизни? Я уверен, что можно справиться и с загадочными тремя богами, которые зашли переночевать к проститутке в прологе брехтовского «Доброго человека из Сычуаня», и с многими другим, чего раньше на театре не было. Это только движет наше искусство вперед.

Порывая с интимностью, с замкнутым кругом узколичных переживаний, эта драма остается по сути своей подлинной психологической драмой. Разве в «Иркутской истории» не главным является апелляция к сердцу, к сокровенным эмоциям человека? Разве «Дамоклов меч» Хикмета при всей своей общности не является законодателем нового жанра — психологической сатиры? Разве «Смерть коммивояжера» Миллера не полна психологической достоверности, не поражает пронзительной точностью проникновения в мир человеческой души? После Чехова, Горького, Леонова, Хемингуэя вообще невозможно рисовать людей вне психологии, вне тщательного и глубокого анализа их мыслей и чувств.

Время настоятельно требует от театра всей глубины психологии при воплощении пьес самой острой формы, неожиданными в построении, свободно оперирующими понятием места и времени. Однако, увы, даже на наших образцовых сценах игра прамолинейная, грубая, без второго плана до сих пор не редкость, больше того, в связи со всеобщим увлечением театрализацией и условностью, форсирование чувства, напряжение, вывих встречается наше, чем несколько назад. Это понятно: чем форма острее, тем труднее актерам сохранить правдивый психологический тон, воплотить наиболее характерное, тонкое в душевном хозяйстве человека шестидесятых годов. Вот почему в таких спектаклях нередко торжествуют старые-престарые штампы декламации и представительства. А между тем если на сцене будет действовать современный герой, влюбленный в нашу жизнь и ее высокие идеалы, но вести себя он будет так, что мы, зрители, как бы увидим его облаченным в плащ Карла Моора или заковананным в рыцарские латы, современность спектакля будет убита на смерть, какие бы творческие достижения он в себе ни таил. Если юноша полюбил девушку «горячей и нежней, чем Ромео Джульетту», но в решающий миг объяснения он опустится на одно колено и приложит руку к сердцу, мы не поверим в силу его любви и воспримем ее, как пародию.

Для критиков, занимающихся иностранной литературой, в наши дни создаются новые условия работы. Все чаще встречается читателей, которые берутся за переводные книги не только ради самообразования или отдыха, но прежде всего потому, что чтение этих книг становится для них условием личным переживанием, помогает им обрести главные вопросы их жизни. И когда такие читатели прислушиваются к слову критика, это особенно дорого.

Даже в хороших современных спектаклях я порой не узнаю человека, такого, каким вижу его на улице, в театре, на заседании, в цеху, за письменным столом. Я остро ощущаю, как нас, художников, неумолимо опережает время, как нужно нам срочно, без промедления, искать правду выражения мыслей и чувств, свойственных людям в сегодняшней жизни. Не случайно такой жадный интерес во всем мире вызывают опыты итальянских неореалистов, не случайно у нас, в Москве, так быстро завоевал симпатии молодой коллектив «Современника», где одой из вопросов думают и ищут ответа на них, хотя нередко и не находят.

Мне кажется, что человек наших дней отличается гораздо большей, чем прежде, углубленностью, сдержанностью чувств, особым целомудрием, не позволяющим ему обнажать перед всеми свой внутренний мир. То, что когда-то изливалось в бурных всплесках, слезах и криках, сегодня может быть выражено силой взгляда, неподвижностью позы, кивком головы и дрожаньем ресниц.

Я мечтаю об актере, который в решающую минуту жизни героя вместо того, чтобы вскочить, кинуться, заломить руки над головой, сумеет лишь чуть податься вперед в своем кресле, глядя пристально на партнера, но на протяжении в этой сцене будет такое, как в тот момент, когда цеплякт знаменитая гамлетова мышеловка.

Я кончаю. Мы переживаем полосу исканий, накоплен большой опыт, режиссерская мысль работает напряженно, началась прокладка новых путей. Как нам разобраться в этом сложном хозяйстве, как ответить на главный вопрос: является ли тот или иной спектакль произведением искусства социалистического реализма и движет ли поэтому вперед наш театр?

Я не раз слышал, как на диспутах и творческих встречах молодежь осаждают Назыма Хикмета, требуя, чтоб он охарактеризовал прогрессивных деятелей культуры Запада, например Пикассо или Неруду: кто они — реалисты или не реалисты? Хикмет отвечает просто: обратимся к тому, что ими создано, и посмотрим, куда зовет своим искусством художник, что он хочет сказать людям. Если его творчество пронизано мечтой о счастье человечества, о мире на земле, он — реалист, потому что самый его язык, стиль быт и был он своеобразен, в этом случае будет прозвучать светом высокой, оплодотворяющей идеи, будет верно передавать главное, основное в жизни, чего никогда не бывает с теми, кто служит смерти, чужденности, инстинкту и войне.

Мне кажется, мы можем принять в общих чертах эту формулу, даже если она и не обнимает всей сложности и многообразия явлений нашего сегодняшнего искусства. Пусть будет больше исканий, пусть сталкиваются мнения в споре о будущем современного театра, пусть дерзают мои товарищи и заманиваются на невозможное, лишь бы эти их дерзания и поиски освещались подлинной идеей, были пронизаны гражданским чувством художника, который, по слову Вахтангова, хочет творить новое вместе с народом.

М. Сарьян. «Сбор хлопка в Араратской долине».

Ремарк и советские читатели

Т. МОТЫЛЕВА

Разносные статьи тут ничего не дадут. Помочь советскому читателю разобраться во всем творчестве интересного и сложного художника — вот что необходимо. Произведения Ремарка, его идеи и настроения — не индивидуальное нечто и не выражение взглядов какой-то узкой интеллигентской прослойки. Творчество Ремарка, начиная с первой его книги «На Западном фронте без перемен», — отражение чувств и настроений весьма широких масс на Западе. В. И. Ленин писал в свое время, определяя влияние первой мировой войны на население Европы: «Всякий кризис одних надламывает, других закаляет». Приоритет неприкрашено правдивого изображения этой войны принадлежит, как известно, не Ремарку, а Барбюсу. Его романы «Огонь» и «Ясность» выразили взгляды и чувства тех, кого кризис закалил, кто стал активным участником массового антимилитаристского движения на исходе первой мировой войны. Творчество Ремарка — выражение чувств тех, кого кризис надломил: его пылало настроение разочарования и растерянности, каким были охвачены миллионы людей на исходе послевоенной стабилизации капитализма.

Вульгарно-социологическая критика начала 30-х годов породила штампованное выражение «ремаркизм», обозначающее изображение ужасов войны без всякого их осмысления. Пережитая первая мировая война, мы видим, что дело обстоит вовсе не так просто. Герои этих романов — рядовые, маленькие люди по-своему, очень наивно старались докопаться до причин войны, задумывались над тем, что «есть люди, которым война идет на пользу», «люди, которые на войне находят радость». Общественный диалог...

ДАВАЙТЕ ПОСПОРИМ!

ПОЛЕМИКА

Н ДУМАЙТЕ, что я хочу ослабить общее впечатление и оценку, которую дает в своей статье Ф. Кузнецов моей повести «Честь». Дело совсем не в том, «положительная» или «отрицательная» рецензия. На мой взгляд, это — неправильная рецензия. Сместо мне было бы опровергать и жалиться недостатков в моей работе. Но природа этих несовершенств совсем не та, о которой пишет критик. Он, например, сетует на автора за то, что «во второй части повести не действуют такие характеры, как Витка-Крыса, Вадик, Пашка Елагин, вовлеченные Антоном в бандитскую шайку, место которым как раз в исправительной колонии».

Да, как будто бы так, правильно: по всем канонам и правилам теории литературы требуется, чтобы начавший развиваться характер был доведен до своего конца. Но тут выступает на сцену жизнь — основное положение исправительной практики «подельщики», лица, идущие по одному делу, не могут быть направлены в одно исправительное учреждение. Вместо шел из жизни и подставил, вместо выбитых из сюжета силой этой жизни характеров, другие, аналогичные. Критик шел от чертежа, от графического представления о сюжете.

Не может не вызвать возражений другой совет критика: сделать перевод содержания второй части книги и упреки в том, что Медынский выбрал облегченный путь по сравнению с Макаревичем. Простите, а почему Медынский должен писать, как Макаревич?

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ СБОР ХЛОПКА В АРАРАТСКОЙ ДОЛИНЕ

Народному художнику Сарьяну

- Шел мальчишка по полям, Пыл он песенку звуду: «Цолак-джан, Цолак-джан, Не брани, Цолак, жену!» Шел парнишка, шел да пел: «Ты жену не обижай!» А кругом был хлопок бел — Собирали урожай. Телку девочку пасла, Платье красно, словно мак, Кипа хлопка так белая! «Не брани жену, Цолак!» Варгу увидел паренек За каналом полевым: В землю воткнул зонт широк, Человек сидит под ним. На холсте и свет, и темь, Телка с девочкой стоят, В шапке белой набекрень Дремлет древний Арабат. А под ним долины рай Кистью создал человек, Собирай да собирай, Хлопья хлопка, словно снег. Сел мальчишка на траве, Хотел неждан и неждан, Он и пейзаж вошел навек. «Цолак-джан, Цолак-джан!»

Из армянской народной песни.

Женение веры в хорошее, в его существование в нашей жизни и победу, победу веры над неверием, сомнением и нигилизмом. Из неверия и нигилизма ведь вырос Антон: разрушение одной семьи, фальшивая дружба, вопиющее расхождение между высокими словами и низкими делами отчима, а по существу, и матери, непедагогичность педагогов, нетоварищеское равнодушие товарищей — вот истоки того морального распада его личности, который лишил Антона внутреннего иммунитета в борьбе со злом.

Тан почему же этому распаду, этой двойственности и фальши не может противостоять целая и устремленная натура девушки? Да и какая другая натура могла бы вынести колоссальное бремя дружбы с Антоном и любви к нему? Разве это под силу заурядной девочке?

Обратимся опять к жизни. В 29-й школе г. Москвы стоит именная парта Гали Мауэрэнко. За право и честь сидеть за ней, как и за партией Зои Космодемьянской, борются лучшие ученики класса. Гали Мауэрэнко кончила школу в 1956 году, кончила хорошо и могла бы идти в институт, но, вопреки воле матери, родных, она поехала работать на одну из сибирских строек. Сговорились они ехать втроем, но две подруги ее спавсали, и она поехала одна. «Я хочу быть там, где я всего нужнее!» На стройке Гали стойко выносила очень трудные условия.

Девушка погибла при аварии, которая произошла на стройке, и мне не пришлось видеть ее лично. Но я видел, и каждый может сейчас видеть, ее заветную тумбочку в «святом» семейном углу, — она, как реликвия, хранится до сих пор ее матерью и братом. На этой тумбочке — тот самый портрет Зои Космодемьянской, и папка с серебряными тисненями, и все то, что находится на тумбочке Марины Зорной.

Это — истоки образа. А вот его «чуждость», «впадение» этого образа в душу читателя. «Тов. Медынский! Расскажите, как вы работали над образом Марины? Большое спасибо, это очень правдивый образ. Очень хорошо, что вы показали веру Марины в честность, в хорошее, веру в близкий коммунизм, в настоящую дружбу. Это нам очень близко, отвечает и нашим мыслям. Удачище техникума КВТ».

Это задание, полученное мною при обсуждении «Чести» в гор. Калининне. А вот письмо из Харькова: «Его имя Сергей. До него я ничего, никогда не любила, а с ним я как-то по-новому взглянула на мир, увидела, как распускаются почки, как ярко светит солнышко. И вдруг я узнаю, что мой друг, человек, которого я люблю, — вор. Наверное, я должна его прозирать, ненавидеть, а я люблю его, люблю и не могу забыть. Я хочу как-то помочь ему и увести с этой пагубной дороги... Да и вообще, мне кажется, что не обязательно искать хороших людей, надо их делать хорошими».

ОТ РЕДАКЦИИ

Вопросы, поднятые Г. Медынским, выходят за пределы оценки одного произведения. Спор идет, по сути дела, о художественном мастерстве, о высказательности, о высокой требовательности. Именно поэтому редакция публикует его статью. Статья «Давайте поспорим!» содержит ряд справедливых общих положений. Несомненно, художественное произведение следует судить с позиций жизни, а не отталкиваясь от готовых литературных схем. Несомненно, каждый писатель имеет право идти своим путем, и критик не должен навязывать ему готовые решения, замствования из истории литературы. Но разве об этом шла речь в статье «Литературная газета»? Ф. Кузнецов (статья «Преступление Антона Шелестова», «Литературная газета», 20 февраля 1960 г.) как раз и писал о том, что книга Г. Медынского подкавана действительностью, вызвана потребностями жизни. В этом критик видел большую заслугу автора и основное достоинство его книги. Вместе с тем критик вполне обоснованно говорил о художественных слабостях и просчетах книги.

К сожалению, Г. Медынский в своей статье ушел от этого разговора. Г. Медынский считает, к примеру, что критик «отрицает самую сущность образа» Марины, что он «выступает против замысла автора противопоставить Антону «чистый и устремленный» образ девушки, воплощающей чистоту и честность советской молодежи». Г. Медынский утверждает даже, что Ф. Кузнецов «не просто отрицает» образ Марины, но «клянется и ополщает его».

Нет, не против замысла автора выступает критик. Речь идет о художественной неудачности этого образа, о слабом воплощении правильного замысла. Образ получается малоотраженным, «честерным назидательным и сусальным», что и ведет, по мнению критика, к ополчению высокого замысла.

Вот, к примеру, как рисует Г. Медынский свою героиню: «немалую роль в формировании Марины сыграла папа и мама, особенно папа, занятый, но и всегда доступный, а главное — необыкновенно чистый и честный. Марца даже не могла подобрать слов для своего отношения к папе. Ему нельзя было верить, и перед его светлыми, но то голубыми, не то сероватыми глазами она сама не могла дышать». В другом месте Марина говорит о воспитавшей ее семье: «У меня хорошие бутя и мутя... Это я папу с мамой так называю».

А вот еще письмо девушки, которая, по ее словам, тоже «искала в повести ответы на свои проблемы». Она также оказалась в ситуации, очень схожей с ситуацией Марины: юноша, с которым она дружила, оказался нехорошим человеком.

«Я была потрясена... Так было нехорошо на душе, что люди бывают такими двойными, неправильными. Зачем они так плохо живут, думают и делают? Я написала ему письмо и сказала все, что думаю. Я так сильно хотела доказать, что он неправ, что он неправильно живет, написала, что он не понимает настоящей красоты жизни, что та жизнь, которой он живет, низкая, грязная, недостойная человека».

И дальше, из всего письма, из стихов, которые к нему приложены, вырисовывается удивительно цельный, сильный и в то же время милый образ девушки, которая одна, как она пишет, «самостоятельно, без чей-либо помощи» велет борьбу за Человека.

«Он не верил в то, во что я верила. Это был для него совсем другой мир, как он говорил: «чистый мир». По моей просьбе этого паренек откровенно написал мне о том, какое впечатление произвело на него письмо девушки, и закончил так: «А что касается Марины, то я только и могу сказать, что такие встречаются. Ишь, их так мало».

Вот где проходит в наше время фронт борьбы: за веру в чистоту мира, за хорошие, светлые, чистые чувства и дела, за их торжество в нашей жизни. Какие же другие характеры могут вести эту борьбу, как не цельные, возвышенные и непримиримые? Так что же вы хотите от Марины? Чтобы она в ответ на грязный посыл Серрежи Пронина фальшиво записала, а потом стронла ее глазами? Чтобы она ходила на устраиваемые им вечеринки? Но тогда бы она стала другой, заурядной, она не была бы «идеальной», как говорил Серрежа, и не представляла бы «крайне пошлый образ «образцово-дисциплинированной добродетели», как говорит критик Ф. Кузнецов. Но она потеряла бы цельность, глубину и моральную строгость, она не была бы Мариной.

Нет! В той борьбе, которая идет в недрах нашей советской молодежи, я становлюсь на сторону чистоты и честности. А как же можно служить этому делу, как не путем создания образов, отражающих и воплощающих эту чистоту и честность? И к чему другому призывает нас партия, к чему к такому воплощению? И где же еще искать критерии в оценке образов, как не в жизни, в практике, во влиянии их на души людей?

Это опять-таки не означает, что в обрисовке образа Марины нет никаких переживов, что в нем не нужно смягчить одни штрихи и подчеркнуть другие, что, кстати сказать, уже сделано в отдельном издании книги. И в этом именно направлении критик должен был помочь писателю. Но когда критик отрицает самую сущность образа и не просто отрицает, но «огрызается» и ополщает его, я вынужден спорить и спорить — и с ним, и с газетой, если она с ним согласна.

Григорий МЕДЫНСКИЙ

На первый упрёк приходится отвечать более расширенным рассмотрением вопроса, как это сделано, надо сказать, через то же писателя Шанского для отдельного издания книги. Второй упрёк отпадает после рассказов о подлинных делах колонии, которые никак не приукрашены в повести, и признания того, что колония бываю, конечно, разные, как бывают разные колхозы, заводы, школы. На третий упрёк обычно не приходится отвечать: сомневающимся в Марине возражают другие, и начинается спор. Здесь целая гамма мнений от «чуждого, чуждого образа», от сравнения с Ульяной Громовой и Любов Шеповой, до «сухаря» и «надуманной схемки». Статья Ф. Кузнецова прибавила к этой гамме еще один эпизод: «крайне пошлый» образ. Вот этого я никак не могу принять. Задачей писателя является утвер-

вещей Ремарка — «Искра жизни» (1952). С беспощадной точностью деталей, с большой болью за поруганного человека изображен здесь гитлеровский коцлагерь накануне конца войны. В лагере действует подпольная организация Сопротивления, возглавляемая коммунистами. Но главный герой романа журналист Коллер, заслуживший своей негибелю стойкостью, отказывается примкнуть к этой организации: он не может найти с коммунистами общего языка. Коллер не знает, что делать, когда война кончится — значит лишить из лагеря, но за этим пределами все становится неопределенным, огромным и шатким, а взглянуть дальше этого он не мог». Ремарк не может, не решается вывести своего героя на свободу. Коллер умирает во время восстания в лагере, схватившись — конечно же, один на один — с фашистским палачом Вебером. Роман кончается крупнейшим гитлеризмом, но общий колорит его предельно безрадостен. И финал — тоже.

Значит ли это, что главное в Ремарке — пессимизм, дух всеобщего отрицания? Если бы это было так, он не читался бы столь широко и охотно в нашей стране. Ремарку, по крайней мере в лучших его романах, присуще сильное стихийное тяготение к положительному человеческим ценностям. Многие читатели подкупают именно это.

В Ленинграде один шофер так отзывался о «Трех товарищах»: «Здорово этот писатель чувствует машину!» Но дело тут, конечно, не в машине, а в том, что вместе с гонимым автомобилем «Карл» в роман входит своеобразная поэзия труда. Эти трое молодых людей, обездоленных войной и послевоенной разрухой, еле-еле поддерживают свое существование с помощью своей жалкой мастерской, умеют с увлечением ремонтировать

Зима в Беловоненской пуще. Фото В. Германа.

О ЛЖИ, ВЫВЕСКЕ И ШЕЛКОВОЙ ВАТЕ...

Георгий ГУЛИНА

ХОРОШО уметь приврать при случае Ходжа Насреддин. Порою он сам верил собственному вранью. А вот в Пакистане есть газетные агенты, которые ни на столечко не вранят в собственную писанину, но лгать — лгут. Какое же расчет?

Авось кто-нибудь да поверит. Ведь, что ни говори, простачки не перевелись еще в мире. Луны надуются на простачков. Пусть, думаю они, не так уж много осталось простачков в мире, но кто-нибудь да клонит на нашу удочку, и это не так уж плохо.

Профессиональный враль действует просто: кладет палец себе в рот и начинает высказывать из него различные потрясающие новости. Ну какая может быть новость из пальца в наши дни, когда весь свет не раз удивлялся воистину сказочным вестям из мира науки? Не скажите! Творцы новостей по-пакистански способны переплутать все новости!

Визит Н. С. Хрущева в Индию порадовал тех, кто желает дружбы между народами и упрочения мира. Индийский народ встретил главу Советского правительства как своего старого друга. Советский Союз строит для Индии завод в Бхилаи, оказывает бескорыстную помощь в культурном и экономическом строительстве. И никаких секретов от этого никто не делает. И народ Индии радуется благородной помощи советских людей...

Ах, радуется! Одну минуту. А нельзя ли подлить дегтю в эту радость, нельзя ли вызвать сомнения? И вот пакистанская газета «Сивил энд милитери газетт» торопится сообщить, что якобы во время визита Н. С. Хрущева в Индию было заключено секретное соглашение, по которому, дескать, «Индия пошла на транзиторонную сделку с Китаем и СССР и променяла стратегические районы Ладакха на крупную помощь в рублях».

Другая пакистанская газета — «Доон», делая вид, что вышеприведенная выдумка есть сущая правда, добавляет: Ладакх не может быть предметом соглашения между Индией и КНР, так как он «является частью Кашмира, будущее которого еще должно быть решено Организацией Объединенных Наций». Эта же газета не скрывает на наглые вымыслы в связи с предстоящей поездкой Н. С. Хрущева в Афганистан.

На Востоке говорят: Будду ложной молитвой больше трех раз не обманешь. Недруги советского и индийского народов пытались сеять ложь уже не три, а тридцать три раза. Кого же они теперь обманут? Кто поверит им? Даже простачки брезгливо отворачиваются от этой лжи, от которой за версту пахнет духом агрессивного СЕАТО.

Кстати, господа из этого военного блока в Юго-Восточной Азии недавно устроили в пакистанском городе Лахоре представление закрытого типа, названное «семинаром». Звучит невинно и научнообразно, не правда ли? Но, как говорится, на вывеске свежая говядина, а в лавке — тухлатина...

Что же все-таки было в лавке? В лавке, то есть на лахорском «семинаре», под флагом «борьбы с коммунистической опасностью» составлялись планы удущения пробуждающихся народов Азии и Африки, удущения национально-освободительного движения, обсуждались возмож-

ности новых империалистических провокаций и диверсий против народов, стремящихся сбросить ярмо колониализма. Печать сообщает, что на «семинаре» шла речь и о создании еще одного военного блока, который объединит бы всех участников агрессивных группировок в этой части мира. Вот, собственно, для чего и понаблюдать вопли о «коммунистической угрозе!» Что сказать по поводу этой очередной затеи господ из СЕАТО?

Человека можно задуть ватой обыкновенной, но можно и шелковой, — гласит восточная мудрость. Обыкновенная вата в качестве орудия удущения в наше время особого успеха не имеет. Ее назначение быстро распознается. Поэтому господа из СЕАТО изыскивают для своей грязной работы вату шелковую. И «семинары» для этой работы организуются разные. И разные личные выдумки пускаются в ход...

Между «семинаром» в Лахоре и враньем пакистанских газет «Сивил энд милитери газетт» и «Доон» имеется определенная связь. Все непредубежденные люди хорошо понимают это. Что же касается нас, советских людей, то мы будем продолжать свое доброе дело в Индии, как и в любой дружественной нам стране. Мы знаем, что вокруг добрых дел всегда черти вытосты. Но разоблаченный черт не столь уж опасен. А именно к этой разновидности чертей принадлежат пакистанские вральи.

Рисунк Н. Лисогорского

ПОРТРЕТ БЕЗ РЕТУШИ

М. МАРКОВ

ХУДОЖНИК, рисовавший обложку этого нью-Йоркского журнала «Тайм», не пожелал фантазии и красок. Он изобразил румяное лицо, вырванное убагабочкой к галстуку подбородок, прикрытый выступающие вперед зубы пухлыми губами, пригладил стоящие торчком уши. Если бы не подлился, удостоверяющая, что перед нами японский премьер-министр, трудно было бы узнать в этом болдом лье шестидесятирхлетнего Нобусуке Киси. Справа от него — рушащиеся здания и руины. Среди дыма и пламени — Феникс, осяенивший зеленоватым крылом розовощекого премьера. А на заднем плане — трубы заводов и фабрик, и на все это льет щедрый свет восходящее солнце — символ японской империи.

Смотрите, как бы хотел сказать художник, вот перед вами человек, под чьим руководством Япония, подобно Фениксу, возродилась из пепла. Но картинка получилась двусмысленная. Уж очень прямые и наглядные ассоциации вызывает соседство Киси с обломками зданий и пепелищами. Ведь он — один из руководителей агрессивной политики Японии до и во время второй мировой войны. И он несет прямую ответственность за раньи, причиненные его стране войной!

Появление Киси на обложке «Тайма» — дань его заслугам перед «свободным миром». Глава японского правительства — «герой № 1» американской и японской реакции. Ведь это он, выбравшись тайком из своей страны, вопреки воле собственного народа, скрепил подписью договор об американско-японском военном союзе. Этот антинациональный акт — закономерный итог всей политической карьеры Киси.

НАЧИНАЛ ОН скромно — клерком в министерстве земледелия и торговли. Продвижение его по служебной лестнице было не головокружительным, но зато неуклонным. Он поднимался со ступеньки на ступеньку благодаря исключительно умению погрязать в начальстве. По свидетельству сослуживцев, Киси был единственным молодым чиновником, которому удавалось избежать придирок свирепого заместителя министра. Он достигал этого так: «Прежде чем войти, слегка приоткрывал дверь. Если начальник был в хорошем настроении, Киси входил, если нет — закрывал дверь и, крадучись, удалялся. Но надежда занять со временем «первое место» никогда не оставляла

которым они неразрывно связаны. И потому им доступна такая широта гражданского кругозора, такая полнота ответственности за судьбы своего народа и всех людей на земле, такая высота нравственной стойкости и нравственных требований, предъявляемых к себе, какие и не снились даже самым милым, самым порядочным «единичным людям». Десяти, если не сотни тысяч советских Андреев Соколовых прошли сквозь строй гаянх нечеловеческих мук, физических и душевных, какие не были изведены ни Равином, ни Боймером, ни Гребером. Но герой Шолохова, как и множество его духовных братьев, существующих в реальной жизни, вышел из своих испытаний победителем. Применению ли хоть к одному из героев Ремарка это гордое слово?

Юный Алеша из кинофильма «Баллада о солдате» — одной из лучших картин последних лет — имеет некоторые точки прикосновения с героями Ремарка. Он тоже попал на фронт со школьной сумкой. Он тоже хотел бы дышать мирным воздухом, заниматься любимым делом, беречь старость матери, любить девушку. Тоска по чистоте, человеческому теплу — все это присуще и Алеше, и ремарковским молодым фронтовикам. Пожалуй, и Пауль Боймер, и Гребер могли бы проявить рыцарское внимание к юной спутнице или утешить добрым словом старика, давно не получившего известий от сына-солдата. Но для героев Ремарка личная порядочность не имеет никакого отношения к гражданскому долгу, общественной жизни. На одном полюсе у них — незыблемые заветы дружбы, товарищества, а на другом — то фальшивое, чужое и ненавистное, что является политической, революционной или реакционной — все равно. Иное у Алеша. Он одинаково верен себе и тогда, когда знакомится в вагоне с Шурой, и тогда, когда беседует с генералом. Война жестоко вторглась в его безмятежный мальчишеский мир, но не поколебала, а укрепила в нем те идеи и принципы, которые были внушены ему школьными учителями. Та нравственная стойкость, душевная ясность, которые обнаруживаются в мельчайшей детали его повседневного личного поведения, проявляются и в выполнении им воинского долга. Мы верим, что человек такого склада должен был и мог с честью пронести звание освобожденной и по родной, и по неродной земле. И мы убеждены, что остался Алеша жив после войны, он при любом жизненном испытании сохранил бы эту ясность и цельность отношения к миру, не впал бы в неверие, пассивность, отчаяние... Ведь он, Алеша, — советский человек и помнит, что с него многое спросится.

Советские люди хотят знать многое, понимают многое. Они понимают и героев Ремарка. Но герои нашей литературы, те герои, которых мы берем в «спутники сердца», дышат иным воздухом, и живут, и мыслят, и действуют иначе.

М. И. ФЕТИСОВ

В расцвете творческих сил, на 53-м году жизни, скоропостижно скончался член Союза писателей СССР, доктор филологических наук Михаил Иванович Фетисов.

Выходив из трудовой семьи, шахтер в прошлом, он прошел большой жизненный путь, став крупным ученым-литературоведом. Работая старшим научным сотрудником в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, М. Фетисов много энергии и вдохновенного творческого труда отдал изучению литературы народов СССР. Советскому читателю хорошо знакомы его труды и исследования по общим проблемам многонациональной советской литературы, по литературе братских народов — казахской, мордовской, чувашской и другим. М. Фетисов деятельное участие принимал в создании очерков истории советских национальных литератур. Он был хорошим эрудированным ученым, беззаветно преданным делу коммунистической партии, достойным членом которой являлся свыше пятнадцати лет. Всех, знавших его, привлекали огром-

ПОРТРЕТ БЕЗ РЕТУШИ

этого человека, который за острую изобретательность получил от сослуживцев прозвище «Бритава».

В 1926 году Киси впервые пересек океан в качестве комиссара японского павильона на международной ярмарке в Филадельфии. Пребывание на этом посту явилось для него, так сказать, аспирантурой. В США Киси постиг ряд сложных наук: научился играть в гольф, управлять автомобилем, танцевать западные танцы, пить виски с содой, и играть в покер. «Бритава» уметь извлекать ошутимую пользу из, казалось бы, пустых забав. Вернувшись на родину, он использовал приобретенные за океаном познания для завоевания популярности среди китов делового мира, к которым испытывал неудержимое влечение. Он гонял ячмень в компании с такими именитыми промышленными магнатами, как Анчино Фудзими и Иосисуке Аюкава, а после игры шел с ними же «промотать горло».

Вскоре по протекции влиятельных друзей Киси получил ответственные посты в оккупированной японскими войсками Маньчжурии. Маньчжурская администрация — создание моих рук, — скромно говорил впоследствии Киси. Руководил разграблением богатств оккупированных северо-восточных провинций Китая, он немало потрудились над превращением их в и антикитайский и антисоветский арсенал. И когда за два месяца до Пирл-Харбора к власти в Японии пришел генерал Хидэки Тодзио, Киси было поручено мобилизовать японскую экономику для нужд «большой войны». Тут пригодился его «маньчжурский опыт».

Война, разорявшая трудовую люд Японии, была источником невиданного обогащения монополий. Положение Киси в правительстве позволяло ему щедро расплачиваться за государственный счет с благодателями — военными промышленниками, немало поредевшими его возвышением. «Мы», — говорил Киси, — должны быть готовы к затяжной войне и преспокоены решимости довести до конца дело создания Великой Восточной Азии. Когда в 1944 году в результате цепи тяжелых поражений кабинет Тодзио пал, ослепительный Киси, оказавшись не у дел, тихонечко переехал из столицы в родные края, в префектуру Ямагучи...

НЫНЕ АМЕРИКАНСКАЯ печать пытается задним числом сделать из этого ревностного соратника главного военного преступника Тодзио чуть ли не мученика борьбы за мир. Так, журнал «Тайм» уверяет, что «за Киси следил агент тайной полиции», но, поняв неизбежность поражения, он призвал к капитуляции. Но в 1945 году американские власти смотрели на дело иначе. Киси был включен в список военных преступников класса «А» и вдоволь в токийскую тюрьму Сугамо. Там он изучал Конфуция, усердно скреб пол камеры, чистил уборную и, как умиленно рассказывают его биографы, «заболтался о своих старых товарищах по заключению». Общество там в те годы было самое избранное: банкиры, промышленники, битые генералы и адмиралы императорской армии и флота. Пока Киси, сидя за решеткой, заболтался о них, оставившиеся на свободе друзья пеклись о нем.

В 1948 году, по распоряжению генерала Макартура, Киси вместе с большой группой других военных преступников был без суда выпущен на свободу. В день возвращения из тюрьмы, когда он вкушал первую трапезу в кругу домочадцев, раздавался телефонный звонок. Звонил Анчино Фудзими — король сахарный, король химический, бумажный, торговый и прочая и прочая. Деловой человек тут же предложил Киси пост директора в одной из своих компаний. Киси пускается в деловые операции.

Но крылья у молодца связаны: ему запрещено заниматься политической деятельностью. В 1952 году отпадает и это препятствие. Военные преступления, в том числе и Киси, восстанавливаются в правах. Путь освобождения: можно продолжать политическую карьеру. Он преуспевает настолько, что уже в 1955 году становится тогдашним министром иностранных дел Сигемитсу в США. На этот раз Киси интересуется не западными играми и танцами, а укреплением связей с Пентагоном. А в следующем году он уже сам министр иностранных дел. Памятуя завет, внушенный ему родителями в детстве: «Всегда занимай первое место», Киси шел напролом и достиг цели — в феврале 1957 года он стал премьер-министром.

Знаменательный диалог, происшедший вскоре в парламенте между новым главой правительства и социалом Асануми. Народные массы, заявил Асануми, беспоконт милитаристское прошлое Киси. Что думает об этом премьер-министр? Киси: — Я полностью почувствовал в душе свою ответственность времен войны, и сейчас я полон решимости посвятить все силы демократическому государству, делая его сильнее и укрепляя японцев вместе со всем народом.

Но ответственным Киси себя считает отнюдь не за развязывание войны, а за поражение Японии. Об этом достаточно ясно говорит стихотворение, сочиненное им вскоре после капитуляции: «Жертвуя своим именем, честью (или даже самою жизнью), самое важное доказать миру и миллионам гражданских поколений, что Япония вела справедливую и священную войну»...

В СЕИ СВОЕЙ деятельности Киси показал, что под «укреплением Японии» он подразумевает наращивание ее военной мощи. Над возрожден-

ен милитаризма он и трудится со своими друзьями и покровителями — дайбацу (так в Японии называют промышленно-финансовую клику), которые олицетворяют для него «весь народ». Сейчас мощные монополистические концерны в три раза больше, чем во время войны. Особенно бурно развиваются отрасли промышленности, связанные с перевооружением. В этом нет ничего удивительного. Ведь сам Киси и возглавляемая им либерально-демократическая партия не более как орудие в руках могущественной Федерации экономических организаций («Кэйдайэн») — этого генерального штаба японского «большого бизнеса». В этой федерации тон задает Комитет обороны промышленности, возглавляемый одним из заправил концерна «Мицубиси» Кийоси Токо. Во время второй мировой войны его компания производила истребители «Зеро», а ныне ей издается заказ на производство сверхзвуковых реактивных истребителей «Локхид». Половина стоимости этого заказа будет оплачена японской, половина — американской казной. Как же не ратовать «Мицубиси» за японо-американский военный союз!

В Токио существует электромонтажная, носящая лирическое название «Прости и забудь». Простить взаимные обиды и помнить только о новых возможностях обоюдного обогащения — таков девиз сотрудничающих друг с другом американских и японских монополий. При этом они не намерены ограничить рамки японских островов. Киси и его сподвижники достали с исторической свалки и перелачивали лопнувший по всем швам проект «Великой Восточно-Азиатской сферы сотрудничества». И миру предстал «План развития Юго-Восточной Азии» на новой подкладке: эксплуатация Японией азиатских богатств теперь мыслится на американские деньги...

В прошлом году Киси в день рождения подарил статуйку «адхарма» — буддийский символ настойчивости и упорства. Положишь статульку — она встает, как наш «Ванька-встанька». У статульки нет глаз. Тот, кому ее дарят, сам должен нарабатывать их, когда забудется его желание. «Ньюсикун» рассказывает на вопрос, когда Киси собирается нарисовать глаза, — премьер-министр улыбнулся и ответил: «Когда будет подписан и ратифицирован новый договор безопасности».

Как расколется желание японского премьера с желаниями его соотечественников!

ЧЕМ ДАЛЬШЕ, тем бесстыднее обнажает свое реваншистское и антидемократическое лицо этот слуга двух господ — японских и американских монополий. Поклонник политики «с позиции силы», Киси не признает несомненного потенциала международной атмосферы. Он выступает против всеобщего разоружения, против политики нейтралитета. Недаром накануне его прошлогоднего визита в Бонн западногерманская газета «Ди вельт» подчеркивала, что, будучи «противником нейтралитетского курса», он «выстрелит в лице Аденауэра политического единоличника».

Да и как можно было бы увязать принципы нейтралитета с наглыми реваншистскими претензиями японского премьера, требующего «возвращения» Японии советских островов Кунашир, Итуру, Хабомаи и Сикотан. Нет, видно, не случайно Киси еще в студенческие годы преклонялся перед фашиствующим милитаристом Кита Икки, призвавшим к захвату Сибири и Маньчжурии!

Киси немало потрудились на том, чтобы создать в стране климат, благоприятствующий реваншизму. Это он пытался протолкнуть через парламент реакционный законопроект о расширении власти полиции. Это он добился восстановления в японских школах военной муштры и «морального воспитания» в духе милитаристских традиций. Это он благосклонно выдает на реваншистскую деятельность ныне здравствующих военных преступников.

Как это ни парадоксально, глава японского правительства — самый рыжий враг Основного закона страны — конституции. «Демократический деятель» ратует за то, чтобы снова сделать императора главой государства, а не просто его «символом» (а поскольку это пока еще не в его силах, он угваривал парламент хотя бы купить Хирохито парламент «Ролс-ройс» и арабского жеребца). Но самую большую ненависть внушает Киси статья девятая конституции, провозглашающая отказ Японии от войны. Киси как-то заявил, что будет до последнего издыхания бороться за отмену этой статьи. Впрочем, мы видели, что он не слишком-то считается с конституционными запретами и даже пытается превратить их из запретов в... благословение. По его словам, японская конституция будто бы не только разрешает переоружение, но и применение ядерного оружия. С благословения Киси США завозят в Японию ядерное оружие для своих войск, оснащают ракетами японские вооруженные силы.

Японский народ не забыл Хирошиму и Нагасаки! Вот почему, когда во время недавнего пребывания Киси в США некий американский сенатор в приливе неумоимого восторга предложил наградить японского премьера Нобелевской премией мира, это кощунство вызвало возмущенную отповедь даже такой консервативной газете, как «Асахи»: «Японский народ потрясен. Киси вовсе не способствовал укреплению мира. Он — разрушитель мира!» Японцы отнюдь не заблуждаются относительно истинного лица «мироворца» Киси и подлинной сущности заключенного им военного союза с Вашингтоном. Об этом говорит нарастающее сопротивление масс политике правительства. Недаром американские биографы Киси, называющие заключенный им военный пакт с США «памятником» японскому премьер-министру, осторожно оговариваются, что этот же памятник может со временем оказаться и его «политической надгробной плитой».

Ремарк и советские читатели

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

машины, собирать, обкатывать, гнать их, — дай им настоящее дело в руки, они бы показали, на что они способны! Психологически несравненно острее дана тема труда в «Триумфальной арке». Ремарк не зря дал своему герою такую добрую профессию. Сумрачный, внутренне замороженный Равик оттаивает и светлеет в операционной. Его силы напряжены до предела, он по-рошному волнуется, чувствуя громадную ответственность за жизнь больного, — и мы волнуемся вместе с ним.

Поиски устойчивых человеческих ценностей сказываются у Ремарка и в другом. Его творчество в известной мере (но только в известной мере!) противостоит мрачной декадентской легенде об извращенной и роковой развращенности людей. Ремарк стремится утвердить единение людей посредством товарищеской дружбы, любви. Лучшее всего это ему удалось в романе «Три товарища». Любовь глубокая, преданная, захватывающая человека целиком и возвышающая его; взаимная привязанность друзей, естественно принимающая форму бескорыстной взаимной помощи и выручки, если нужно и самопожертвования, — вот это особенно близко советским людям, вот это прежде всего определило большой успех романа «Три товарища».

«Читая роман «Три товарища», — говорит московская студентка, — я как будто жила среди порядочных людей». Да, в этом романе Ремарк утверждает мораль житейской порядочности: работай честно, когда есть возможность, помогай слабому, если можешь, дай сдачи подлему, где можешь, не подводи друга, будь заботлив и чуток к любимой женщине... Герои Ремарка стремятся поступать именно так, не по чьему-то предписанию, а по естественному, внутреннему побуждению. Всем этим они нравятся нам. Но, поступая так, они не посягают на основы того злого мира, в котором им так неуютно живется. Только в их частном бытии нарушается граница, отделяющая одного «единичного человека» от другого. А в общественном, гражданском бытии? Там эта граница остается, по сути дела, нерушимой.

В «Трех товарищах» поэзия любви раскрывается, как самая беспорядная и прочная ценность человеческой жизни. Ремарк говорил об этом в интервью, опубликованном после выхода этого романа: «...Счасть, встретив любимую женщину, мужнина любит ее страстно».

точно она пришла разделить его одиночество на пустынном острове. Эта женщина должна заменить все ценности, все иллюзии. Но любовь, отгороженная от треволнений реального мира, сама по себе оказывается иллюзией. Жестоким реальным мир напоминает о себе: Пат умирает от болезни, связанной с последствиями войны. И если три товарища и подобные им «парни всего мира» не смогут противостоять новым мировым войнам, эти войны принесут людям еще и еще миллионы смертей, болезней, трагедий. Ремарк — слишком чуток к жизненной правде художник, чтобы не залучиваться над всем этим: недаром политика то и дело вторгается на страницы его романов, начиная с «Триумфальной арки». И вместе с тем главные действительности вырывается в самые интимные сферы жизни ремарковских героев, калечит души, отнимает возможность личного счастья. Робби говорит умирающей Пат: «Дружичек, Равик и Жоан настроены иначе: «Любовь не пятнают дружбой». Для них, издерганных, истерзанных, уже невозможны простые и свежие чувства, их любовь быстро вырождается в болезненное взаимное мучительство... Еще безрадостнее оборачивается тема любви в «Черном обелиске»: единственным приближением человеческого счастья оказывается сумасшедший дом, где герой с восторгом слушает лепет больной девушки.

Вряд ли правильно, как это делается иногда в критических статьях, рассматривать путь Ремарка как прямолинейное движение вперед. Его творчество развивается скорее по зигзагообразной линии — достижениям сопутствуют потери. Политический кругозор писателя расширяется, в его поле зрения входят новые острые проблемы — это верно. Но в романах Ремарка 40-х, 50-х годов резко чувствуется ушерченость его мировоззрения — отсюда колебания между сентиментальным и грустным цинизмом, растущее ощущение шаткости человеческого существования.

Новая книга Ремарка «Низкие взаимоотношения» (1959) читается с нарастающим чувством разочарования. Писатель здесь то и дело вторгается — многие мотивы воспринимаются как вариации уже известного. Герой — деятельный по натуре человек, не находящий применения своим силам, травмированный воспоминаниями о фашистском застенке; героиня — ленилельно красивая

женщина, страдающая от туберкулеза в модном санатории; русский белоэмигрант в качестве третьего главного персонажа; любовь, вспыхивающая внезапно, принимающая форму то беззаветной, взаимной преданности, то изощренного взаимного терзания; эпизоды автомобильных гонок, быт космополитического парижского отеля... Но все эти знакомые мотивы даны в сильно сниженном, измелченном виде. В новом романе утрачена связь героев с трудовым миром простых людей, которая составляет привлекательную черту первых романов Ремарка: на первом плане здесь — потребители, прожигатели жизни, пестрая публика салонов и курортов, завсегдатаи игорных домов и острей спортивных зрелищ. В «Низких взаимоотношениях» утрачена и та антифашистская острота, которая была присуща романам Ремарка «Триумфальная арка», «Искра жизни», «Время жить и время умирать», «Черный обелиск». Новый роман Ремарка, по сути дела, не только вне политики, но и вне времени: конкретные приметы современности еле-еле мелькают кое-где, но совершенно безразличны для действия и для героев. Вместе с тем то, что составляло слабость прежних романов Ремарка, здесь выступает в особенно резком и обманном виде. Ни автор, ни его герои ничего не ищут, ничего не хотят, нигде не стремятся. Если в «Трех товарищах» Робби боролся за жизнь Пат до последнего ее дыхания, то здесь над большой красивой Лилиан с самого начала нависает обреченность: от смерти не уйдешь, остается лишь прожить последние недели с блеском, с шиком, доставить себе напоследок побольше острых ощущений... Мецанский культ наслаждения причудливо смешивается с декадентскими воздыханиями по поводу извечной бессмысленности бытия.

Но оставим в стороне «Низкие взаимоотношения» и будем судить о Ремарке по его творческим удачам, по тем действительно лучшим его романам, которые переведены на русский язык. Хорошо, на мой взгляд, что эти романы вошли в наш читательский обиход. Они обогащают круг наших знаний и о западной действительности, и о западной литературе. Они во многом сочувны нашим гуманистическим чувствам. Но мы воспринимаем романы Ремарка в свете нашего мироощущения.

«Что для нас герои Ремарка?» — спрашивают иногда читатели. «Ведь они против войны, против фашизма — значит, они не враги нам, а друзья». Верно, скорей всего друзья — пусть неустойчивые, не всегда надежные. И Роберта Локамма, и Ленца, и Равика, и тем более Расса из пьесы «Последняя остановка» мы вправе воспринимать не как представителей враждебного нам мира, а скорей, как потенциальных союзников в борьбе с империалистическим варварством. Но все познается в сравнении. Чтобы яснее увидеть реальную человеческую ценность ремарковских героев (не столько политическую, сколько именно человеческую, нравственную), весьма уместно сопоставить их не только с теми фашистскими извергами, торгашами, злыми мецанями, которым они противопоставят, но и с людьми совсем иного морального склада.

«Битвы революций посерьезнее «Полтавы», и любовь пограндиознее онегинской любви...» Герои Ремарка задуманы как люди радвые, обыкновенные. Оставим же в стороне образы народных вожаков и деятелей революции, вспомним радвые люди, выраженных нашим общественным строем и запечатлевшихся на страницах нашей литературы. Герои Ремарка могут быть от природы симпатичными, добрыми, честными, но их пригнатиет к земле общество, в котором они выросли, их кругозор непреодолимо замкнут теми иллюзиями и предрассудками, которые свойственны множеству людей современного капиталистического мира. Наши радвые советские герои — будь то Андрей Соколов или Василий Теркин, будь то Ванька Малышев из «Нестояности» или лейтенант Травкин из «Звезд» — несут в себе, каждый по-своему, долю величия того мира, с

ГОВОРЯТ ПИСАТЕЛИ МИРА

«Я РАССМАТРИВАЮ ВИЗИТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ХРУЩЕВА ВО ФРАНЦИЮ, — заявил писатель и член Французской академии Франсуа Мориак, — как очень важное событие. Важно то, что визит состоится в новой обстановке — впервые мир вздохнул свободно».

Во Франции никто более не сомневается в том, что стремление к миру воодушевляет председателя Хрущева. Я уверен в том, что две недели, которые он проведет во Франции, покажут ему, что чувства французского народа к русскому народу остаются неизменными».

Открытие новая вра, которая глубоко радуется меня».

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСАТЕЛИ ПРОТЕСТУЮТ против грубых действий асфалии в отношении видного греческого писателя А. Тероса. В заявлении, подписанном известными литераторами С. Мериалисом, Л. Кукалосом и Г. Стамболино, говорится, что такие действия компрометируют Грецию, а в глазах мировой общественности и вызывают возмущение греческой интеллигенции.

«...МНЕ БЕСПОКОИТ ЦИНИЧНАЯ БЕЗНАВРАТНОСТЬ МОЕЙ СТРАНЫ. Я пишу Джон Стайнбек в английской газете «Ньюс крикник». — Я не думаю, что это сможет долго продолжаться, и мы погибем, если не произойдет что-либо сверхнепредвиденное».

Кто-то должен переосмыслить нашу систему, и как можно скорее. Нам нечего надеяться на то, что наши дети вырастут хорошими и честными людьми, если город, Штаты, правительство, корпорация скорее вознаграждают за софистику и обман, чем за честность и правду».

«...ПЕРЕД ДВИЖЕНИЕМ ЗА МИР СТОИТ БОЛЬШАЯ ЗАДАЧА — ВСЕМИ СРЕДСТВАМИ ЗАКРЕПИТЬ НАЧАВШЕЕСЯ ПОТЕПЛЕНИЕ КЛИМАТА. Помимо мероприятий, направленных непосредственно против подготовки войны, движение мира должно также неустанно бороться за освобождение народов не только от диктаторских режимов, но также от нужды, голода и нищеты», — говорит Артур Лундквист, шведский писатель.